

ДЕТЕКТИВ
СИЛЬНЫХ СТРАСТЕЙ

*Елизавете Костиковой
с благодарностью за идею*

1

Когда я представляю свою жизнь, то мне сразу вспоминается мультик про бедную принцессу и злую колдунью, поклявшуюся у колыбели малютки сделать ее существование невыносимым. Наверняка возле моей кровати стояла такая же злюка — с рогами на голове, крючковатым носом и выпирающим острым подбородком. Чем прогневили ее мои предки, понятия не имею, но, видимо, прогневили по полной. И она дала волю самым отвратительным чувствам. А проще сказать — проклала меня с первого дня рождения.

Отца я никогда не видел. Он отказался от меня сразу же, как узнал, что мать беременна. Просто послал ее подальше, сунув в руку пару мятых купюр. Они предназначались для оплаты известной медицинской манипуляции, призванной сделать так, чтобы я никогда не появился на этот свет. Но я появился! Мать не пошла на аборт, хотя ей было всего-то восемнадцать и жила она, как сей-

{ ТАТЬЯНА БОЧАРОВА }

час принято говорить, в неблагополучной семье, а именно со старой бабкой и дедом-алкоголиком. Помощи ей ждать было неоткуда. Никто в доме не обрадовался бы пищащему свертку, никаких тебе сюсюканий и умилений. Не дали бы в морду лишний раз, и то хорошо. Однако мать решила рожать, несмотря ни на что.

В положенный срок я вылез на свет божий, посмотрел на все это безобразие и завопил благим матом. Позже прабабка говорила мне, что я уже при рождении имел чисто бандитскую физиономию. И вел себя подобающе.

— Это не ребенок, — кричала она, в очередной раз давая мне подзатыльник или охаживая венником по спине. — Это чистый дьявол. Тюрьма по тебе плачет, чертенок!

Она была не одинока в своих прогнозах. Мне кажется, про тюрьму я услышал сразу, как начал понимать человеческую речь. Про нее твердила мать, в отчаянии вытирая слезы с бледного, худого лица. О ней талдычил сосед, высокий, очкастый дядя Гриша, и воспиталка на пятидневке, пухлая, краснощекая Валерия Всеволодовна.

— Хулиган!

— Бандит!

— Негодник!

— Чертово отродье!

Такие эпитеты я слышал каждый день, да что там, десять раз на дню. И чем больше я их слышал, тем больше меня тянуло на разные пакости. Разбить прабабкину любимую чашку в противный желтый цветочек, любоваться на великолепные острые черепки и наслаждаться ее звериным воем. Дать в нос любимцу воспитателей, толстощекому, похожему на поросенка Васе Пуговкину, и наблюдать, как тонкие струйки крови текут на безупречно белую рубашечку. Залезть в комод, где прадед хранил припрятанную от прабабки чешку, спереть ее, а после выбросить в мусорку на лестничной площадке...

Мои подвиги можно было перечислять бесконечно. Фантазия у меня работала буйно и бесперебойно, она цвела, как экваториальный лес после грозových ливней. Только мать не ругала меня. После того как я получал тумачков от бабки с дедом, или после жалоб в садике и от соседей, она тихо, почти беззвучно, плакала. По ее лицу катились маленькие, прозрачные слезинки. Вид их наводил на меня тоску и безнадежность. Я совершенно спокойно сносил удары ремнем, тычки и подзатыльники, никогда подолгу не унывая. Но эти слезы... Что-то твердело у меня внутри, в груди, болезненно давя на ребра, не давая вздохнуть. Мне хотелось закричать — так

{ ТАТЬЯНА БОЧАРОВА }

громко, чтобы сбежались все кругом, вызвали полицию, пожарных, МЧС. Но почему-то я молчал и даже не пытался утешить мать или оправдаться за свои проступки.

Так пролетело мое дошкольное детство, и я пошел в первый класс. Уже через месяц я стал записным хулиганом класса, а немногим позже — и всей школы. Снова зазвучало слово «колония», но на сей раз это было не пустое сотрясение воздуха, а вполне конкретная, хоть и отложенная перспектива. Учился я из рук вон плохо, можно сказать, вообще не учился. Уроки не делал никогда. В класс приходил, когда хотел, мог опоздать на несколько уроков, а мог и вовсе прогулять. Вскоре у меня появились дружки — такие же отчаянные пацаны, отвергнутые приличным обществом. Почти все они были старше, но это не влияло на мой авторитет среди них. Меня уважали, со мной советовались, да что там — многие просто боялись. Я считался в компании отчаянным, способным на что угодно. Если кто-то пробовал тронуть меня, я превращался в маленького злобного дьяволенка, налетал на обидчика, как ураган, пускал в ход все средства — кусался, царапался, мог схватить первое попавшееся под руку: камень, осколок стекла, палку — и пустить в ход.

Понятно, что через пару лет состоялся мой первый привод в детскую комнату. Меня поставили на учет в девять, а в одиннадцать уже серьезно обсуждался мой перевод в специализированную школу для неуправляемых подростков. Меня тогда отмазала инспектор по делам несовершеннолетних, Анастасия Викторовна. Она была редкостной умницей, эта Анастасия Викторовна, Асенька, как называли ее все коллеги. Совсем молодая, хрупкая, похожая на стройную осинку, с огромными серыми глазами и толстой пшеничной косой на прямой, худенькой спине. Мне она нравилась. Мне мало кто нравился из окружавших меня людей, скорей, я всех ненавидел. Но Асенька была исключением. Она сажала меня у себя в кабинете на диванчик, наливала мне чай, клала рядом две шоколадные конфеты и долго, тихим голосом говорила о том, как не нужно хулиганить, а надо взять себя в руки, учиться и вырасти приличным человеком. Честно сказать, мне плевать было на то, что она говорит. Я и не слушал ее. Но чай пил и конфеты ел. Асенька видела, что я ее игнорирую, и тяжело вздыхала. Однако, когда собрали комиссию по моему делу, она упорно выступала против отправки меня в специнтернат.

Мотивировала свое мнение она тем, что у меня сложные условия существования, и еще она яко-

{ ТАТЬЯНА БОЧАРОВА }

бы видит во мне положительные черты и даже какие-то интеллектуальные задатки. Где она разглядела эти задатки, сложно предположить — я с трудом читал по слогам и считал только с помощью калькулятора, который спер в магазине у какого-то зазевавшегося дядечки. Однако комиссия поверила Асеньке и решила дать мне еще год на перевоспитание. Год этот благополучно окончился новыми приводами, и в двенадцать меня таки загребли в специнтернат.

Вот это был ад, скажу я вам. Вряд ли где-то есть жестокость большая, чем я видел там. Многие не выдерживали, ломались. Зверский режим, унижения, побои — это кого хочешь сломают. Были дни, когда я хотел сдохнуть. Много дней. Я молился Богу, чтобы он вызволил меня. Я готов был обещать ему что угодно — что стану паинькой, не буду переступать закон, начну читать и прочее... Но молитвы мои канули в Лету: никто не собирался выпускать меня на свободу, никто вообще мной не интересовался: ни мать, уже тогда сильно болевшая, ни бабка с дедом. И в какой-то момент я понял, что больше не хочу умирать. И молиться тоже не хочу. Что я могу существовать даже в этих пыточных условиях — главное, ничего и никого не бояться. Потому что даже если ты бесправный, униженный и безза-

щитный, у тебя все равно остается твое человеческое достоинство, и ты в силах сохранить его и ухмыльнуться в физиономию своему мучителю. Этим ты победишь его и сможешь стерпеть все, ну или почти все.

Возможно, есть на свете люди, которые не поняли этого до самой старости или не задумывались об этом вовсе. Я понял это, когда мне исполнилось четырнадцать. В интернате ко мне приклеилась кличка Бешеный. Я слышал как-то, как один из воспитателей сказал другому про меня:

— Этот никогда не уймется. Его можно огнем жечь, на куски резать, все нипочем. Такие всю жизнь проводят на зоне, и она им как дом родной.

Он оказался прав. В шестнадцать я организовал драку и нападение на охранников магазина. Мне дали первый реальный срок. Это была малолетка. Я пробыл там два с половиной года, пока мне не исполнилось девятнадцать. Потом меня перевели во взрослую колонию. Когда я освободился, оказалось, что семьи моей больше нет, как и квартиры. Мать умерла, прадед с прабабкой спились и тоже покинули этот мир, предварительно продав жилье каким-то жуликам. Мне органы опеки смогли сохранить комнату в коммуналке, куда я пожаловал с одной сменой белья и в подростковой одежде, которая давно стала

{ ТАТЬЯНА БОЧАРОВА }

мне мала. Соседка, похожая на бабу-ягу противная старушенция Амалия Ивановна, увидев меня, едва не лишилась чувств. С тех пор иначе, как убивец, она меня не называла. Напрасно я пытался объяснить ей, что я никого пока еще не убил и в планах у меня этого нет. Стоило мне открыть рот, чтобы что-то возразить ей, она тут же хваталась за сердце и вызывала полицию. Приезжали менты, начинались разборки. После этого мне и вправду хотелось придушить старую ведьму...

Я чувствовал себя уставшим. Мне еще и двадцати не стукнуло, а по ощущениям я столетний старик. Мое тело в шрамах и отметинах, но это полбеды. Хуже, что и душа моя сплошь покрыта шрамами. Мне надоело быть Бешеным. Надоело сидеть наготове и скалить зубы, точно голодный, затравленный пес. Денег нет. Работы тоже нет. С судимостью никуда не берут. Только в курьеры, разносить еду по клиентам. Меня это бесит. Не могу я ездить на велике с котомкой за плечами. Ну не могу, и все, хоть провались.

Я подхожу к маленькому, тусклому зеркалу, висящему на стене в моей комнатенке. Рама его облупилась, на стекле царапины. Из отражения на меня смотрит бедный юноша с прищуренными глазами. Губы сжаты, подбородок выдвинут

вперед. Вспухшая синяя вена на виске. А в глазах пустота. Так жутко глядеть в эту пустоту. Она отталкивает и в то же время манит, тянет, как магнит. Кажется, еще мгновение, и пустота затянет меня целиком, с ногами и головой, поглотит, чтобы больше никогда не выпустить, оставить вечным затворником где-то в ледяной темноте. Я невольно вздрагиваю и тут понимаю, что в отражении не кто иной, как я сам. Это мои пустые глаза смотрят на меня сейчас, пугая и вселяя ужас. Я боюсь сам себя. Я свой главный, самый опасный враг. Я сам. И с этим ничего нельзя поделать. Только скрипеть зубами бессонными ночами, впиваясь ногтями в подушку, пытаюсь выжать слезы, которых никогда нет и не было. Ничего нет на свете страшнее одиночества...

2

Над головой весело шуршала желтая листва. С утра прошел небольшой дождик, и тротуар пестрел крохотными лужицами, в которых отражалось синее небо в белых барашках облаков. Регина Сергеевна неспешно брела по бульвару, с удовольствием вдыхая запах ранней осени. Как она любила эту пору! Начало учебного года, первые его недели. Под ногами золотистый ковер из

{ ТАТЬЯНА БОЧАРОВА }

листьев, за оградой школы гомон, визги, смех. Девчонки в белых бантах, мальчишки аккуратно подстриженные, но мокрые и красные от бесконечной возни и бега.

Регина Сергеевна работала в школе вот уже сорок пять лет и не переставала любить свою профессию, считая ее самой лучшей на свете. В самом деле, что может быть прекрасней, чем учить детишек русскому и литературе? Регина Сергеевна знала наизусть сотни стихов, прочла тысячи книг. Она могла с любого места процитировать «Евгения Онегина», помнила, чем кончается каждая глава булгаковского «Мастера и Маргариты». Это был ее мир, тот, в котором она жила, легко, счастливо и непринужденно.

Регина была маленькой и сухощавой, она рано поседела и никогда не красила волосы, зачесывая их наверх большим деревянным гребнем. Она носила старомодные кружевные блузки с пышными жабо, длинные темные юбки и вязаные жакеты. Любила душиться французскими духами «Шанель» и вешать на шею бусы из натуральных камней. Никто не помнил Регину другой. Казалось, она всегда была благообразной, хрупкой старушкой, с морщинками на маленьком мышинном личике и с ясными, всегда улыбающимися глазами. Они одни не вязались с ее общим об-

ликом. Ярко-голубые, сияющие, они были полны задора и молодости. Стоило ей взглянуть на собеседника, как тот чувствовал необычайное тепло, словно на плечо его вдруг легла дружеская ладонь. Стыдно и неловко было после этого озорничать, лениться, обманывать и не делать домашнее задание. Если на душе скребли кошки, если весь мир, казалось, отвернулся от тебя, — эти глаза дарили надежду на лучшее. Но горе тому, кто переступал черту. Из глаз мгновенно уходила вся теплота, они становились ледяными, как Северный Ледовитый океан. Проказника словно колючим ветром обдавало. Он втягивал голову в плечи, бормотал что-то вроде «Простите, я больше никогда не буду». И не нужно было двоек, наказаний, вызовов родителей в школу и прочих санкций. Коллеги изумлялись:

— Как вы с ними ладите, Региночка Сергеевна? Вы такая маленькая, хрупкая, а они такие здоровенные лбы? И слушаются вас беспрекословно! Как?

Регина в ответ лишь улыбалась сухонькими губами, намазанными гигиеничкой. Ее все любили. Любили старые, выдавшие виды учителя и молодежь, только пришедшая в школу с институтской скамьи. Любил суровый директор Лев Львович, завхоз-балагур, охранники Петр и Николай. А уж

{ ТАТЬЯНА БОЧАРОВА }

как ее любили родители учеников! Каждый год первого сентября класс напоминал оранжерею. На столе, на партах, на полу стояли в вазах огромные охапки цветов. Громоздились коробки конфет, торты, плюшевые мишки и разные милые безделушки. То же бывало на День учителя, Новый год и Восьмое марта. Уходя с работы, Регина бережно раздавала коллегам подарки. Сама она не ела сладкого, а букеты просто не могла донести до дома из-за их тяжести и своей тщедушной комплекции.

Дома ее ждала маленькая уютная двухкомнатная квартирка. Все в ней было таким же старомодным, как сама хозяйка. Паркетный пол, натертый до блеска воском, обои еще советских времен, в синюю и розовую крапинку, которые Регина заботливо подклеивала, если они где-то рвались. Стены комнат были увешаны картинами. Это было второй страстью Регины, помимо литературы. Она собирала картины, покупала их в салонах, в мастерских, ездила на Арбат и там долго и тщательно выбирала понравившееся полотно. Она не жалела на свое увлечение денег. В остальном же старенькая учительница жила более чем скромно. Ела на завтрак два яйца всмятку или фруктовый творожок, обедала супчиком, а ужинала стаканом чая и творожной запеканкой. Отдыхать никогда

никуда не ездила, предпочитая проводить отпуск в Москве, прогуливаясь в окрестном парке, сидя на лавочке с книжкой или подкармливая местных белок. Иногда она выбиралась в музей, на выставку или в оперный театр, но в последнее время такое бывало все реже — у Регины стали болеть и опухать ноги. Она мазала их пчелиным ядом, делала ванночки с морской солью, но они все равно болели, особенно по ночам. Регина маялась, вертелась с боку на бок и почему-то вспоминала отца, который погиб, когда ей было всего семь. Просто вышел на улицу, в соседний гастроном за молоком. Увидел, как двое подвыпивших парней пристают к девушке. Та плакала и с мольбой смотрела по сторонам, но никто не останавливался, все шли мимо. Отец Регины остановился. Подошел к верзилам. Сказал:

— Ребята, отпустите девчонку. Зачем вам проблемы?

Вежливо сказал, даже улыбнулся. Он вообще был вежливым человеком, часто улыбался, извинялся, никогда не повышал голос. Один из алкашей поглядел на него с ухмылкой.

— Эй, мужик, вали отсюда, пока тебе кости не переломали.

— Ну зачем же так, — смущенно проговорил отец, однако не отошел.

{ ТАТЬЯНА БОЧАРОВА }

Девушка подняла на него заплаканные, мокрые глаза.

— Спасибо вам. Идите, а то достанется.

— Как же я могу уйти, когда обижают женщину? — удивился отец. — Нет, я останусь. Обязательно останусь.

И в это время он получил удар по лицу. Из носа хлынула кровь. Отец вытер ее ладонью, пожал плечами и проговорил спокойно:

— Вы подонки. Отпустите девушку, я требую!

— Он требует! — Верзила заржал.

Его приятель, хмурый, похожий на огромную обезьяну, молча замахнулся и двинул отцу в челюсть. Тот упал. Девушка закричала. Прохожие стали оборачиваться. Отморозки били лежащее перед ними тело ногами. Быстро, точно, короткими ударами. Минута — и их уже след простыл. Рядом сигналила милицейская сирена, ахали женщины, взволнованно переговаривались мужчины. Приехала «Скорая». Но отцу помочь уже не смогли. Кованый сапог одного из мерзавцев проломил ему череп.

Спасенная девушка потом все рассказала на суде. Как вел себя отец, что говорил. Убийц посадили. А Регина с мамой остались вдвоем. Мама плакала и долго не могла прийти в себя. Регина тоже плакала, но так, чтобы мама не видела ее